

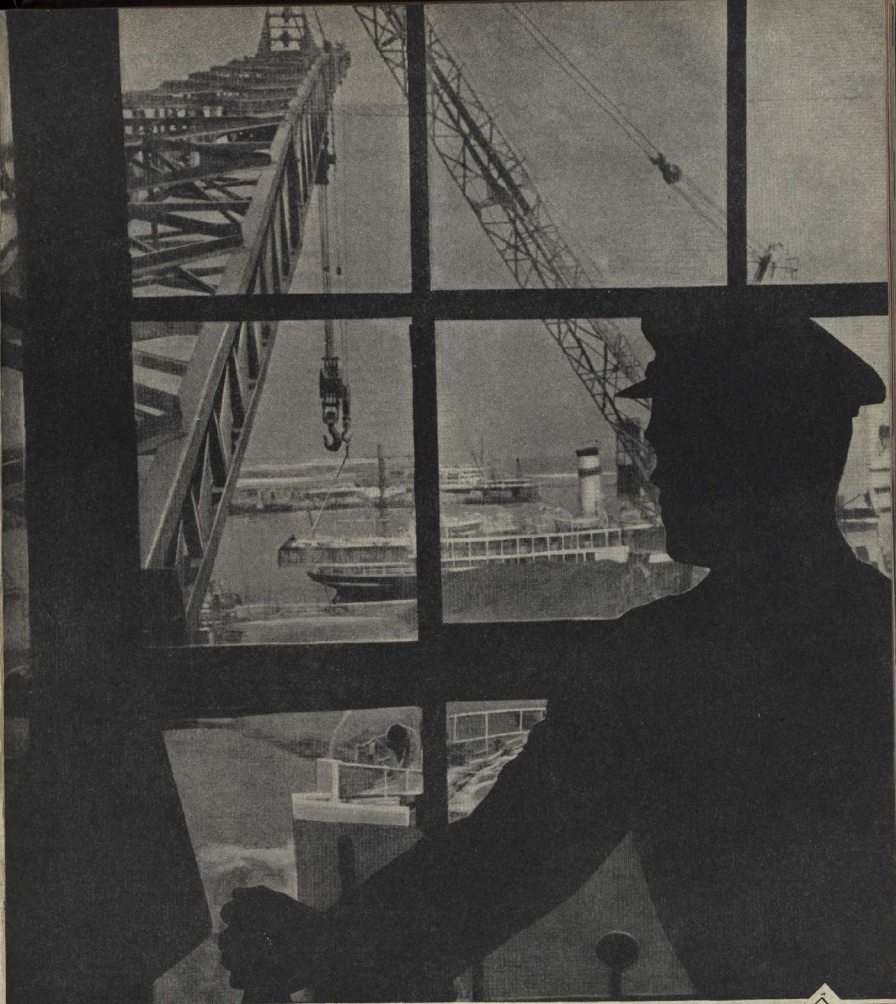

СМЕНА

22

1947

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 22. 1947 год.

Год
издания
24-й

В котловане Днепростроа

ИЗ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ ПОЭМЫ «ТРАГЕДИЯ НОЧЬ»

Давно ли к вершине
Забитой скалы
Из ближней пустыни
Слотались орлы
Давно ли над кручей
Владчили век
Лишь ветер летучий
Да грозы и снег?

Скалы окружали
Зехаты и зори,
Безымянные дали,
Ковыльное море,
Солиальство полный
Простор переправы,
Пустынные волны,
Тоскливые травы...

Как видно, былое
Ушло навсегда!
Травы под скалою
На сыщешь следа!
Под кручей не стало
Днепровской волны!
Бетонные скалы
Отсюда видны.
Людского движенья
Бурливый поток,
Тугое сплетенье
Мостов и дорог,
Железные горы,
Машины паровых,
Таинственный город,
Меж стен водяных.

...Значит, правду рассказали,
Что московский богатырь,
То ли Ленин, то ли Сталин,
Полонил речную ширь.

Обсудя со стариками,
Где на дне пласты крепки,
Он вошёл с двумя щитами
В створенья мнящихся реки.

Он вошёл — и сразу, с коду
Руки в стороны развёл,
На версту раздвинул воды
И поставил их на годы
За щитами на присол.

Вёсны шли, шумели зимы,
Злился дождь, ярился лёд,
Но остались недвижными
Стены замершей воды...

...От самого берега
Ширь котлована,
Лязгают деррини,
Грохают краны,
Кудю не упали бы
Зорние взоры,
Всюду опалубок
Жёлтые горы,
Всюду бетона
Литые уёсы,
Гул самдерсонов¹,
Рокот насосов,
Трещит перфораторы,
В камни мнётся.
У экскаватора
Чезает челюсть,
Черны от загары,
Белы от бетона,
Мчатся думкары,
Платформы, вагоны.

Зорче гляди!
Сверзу бадьи,
Там не ходи!
Опас впереди.
Этот пролёт
Варна разнесёт.
Здесь прогремит
Оксиглявит².

Гуденье сигнала,
Короткий рыск —
Фонтаном на скалах
Взлетает песок.
Минутной угрозы
Минула пора.
Снастят паровозы
В утробе Днепра.
Далынах и овражьи
В середине реки
Грохочут машины,
Стрекочат станки.
Всё это, как в сказке,
Но связь проста,
Суровые краски,
Простые цвета,
Сплетение чёрного,
Жёлтого, серого...
Радуга камня.
Железа.

Дерева.

...Над бетонною взривною
Ходит шея лебединая
Чернопапалого железного орла.
Выше дерева сточного,
Ниже облака ходячего
Поднимается у деррина стрела.

И невидною силою
Чудо-юющие бескрылы
По приказу человеческой руки
Над глубинными протоками
Разворотами широкими
Переносит столбуозные бруски.

Между каменистыми скалами
Люди жалами беспалыми
Грудь породы мягкойтеплой
С раскелли,
Чтобы пальцами железными
Осладеть любимым вздымаем
Покорённой обновляемой
Земли.

И веками к дну притёрты,
Злого шибяги горы мёртвые
Из протока ульяваты, не сшеца,
Со скалы гранитной снятые
Не руюко, не колотоу,
А чудовищной громадиной
Ковша.

Из шипящей узкой сваяжины
Рвётся ветер в трубку
Асвоинный,
Ветер щебень разматает без
спода,
Правит сверлами, зубьялами,
Провит бурями стокорьялами,
Опримодывая набок поезда³.

Над высотами орлиными,
Над ветрами и пучинами,
Над могуществом машины
и станка,
Над простыми и великими
Чудесами многоязычными
Станы полными владыками
Человеческое сердце и рука.

¹ Турбинные станки.
² Припарат жидкого кислорода.
³ Поворотом рычага пневматического аппарата машинист опрокидывает в любую сторону туловища любое количество тележек, выбрасывая из них груз.

ОНИ ГОЛОСУЮТ ВПЕРВЫЕ

Пришла их пора. Им исполнилось восемнадцать лет, и они впервые будут выбирать органы государственной власти — Советы депутатов трудящихся. Наш закон предоставлял это великое право молодежи наряду с другими правами, забываемыми их отцами в тлещей и удорной борьбе.

Им, молодым, страна доверяет участвовать наравне со всеми трудящимися в управлении государством. Это доверие полагается на глубокую веру в силу и разум нашей молодежи, в её беспридельную любовь к Родине и готовность служить ей всегда и во всём. Акт голосования — это не простая формальность, а поступок великого смысла. Он требует от каждого участвующего в нём большой ответственности и высокой сознательности.

И наши восемнадцатилетние, родившиеся в советское время, воспитанные большевистской партией, ленинско-сталинским комсомолом в духе животворного советского патриотизма, с детства воспитанные в социалистическом государстве, с достоинством и честью выносившие свой гражданский долг. Вся жизнь их овеяна гением Сталина, Аскоковой, доброй улыбкой вождя было согрето их детство. Отрочество их совпало с суровыми годами войны, когда под руководством величайшего полководца наш народ отстоял свою свободу, честь и независимость. Юность их наполнена радостным трудом, неутомимой учёбой, постоянным стремлением к совершенствованию. Сталин — наставник молодежи во всех делах её и поступках, заботливый отец и верный друг. С ним — все помыслы и чувства советской молодежи, ему — её глубокая благодарность.

В день выборов в местные Советы депутатов трудящихся восемнадцатилетние, впервые отлучив в урну своей баллотель, будут голосовать за Сталина, за его ближайших соратников, за несравнимый блок коммунистов и беспартийных. Они будут голосовать за Алядей, беззаветно преданных Родине, наравле, на зме доказавших своё умение служить отчизне.

Голосуя за кандидатов сталинского блока, молодежь ещё раз заявит о своей верности делу Ленина — Сталина, делу коммунизма.

Советская молодежь горда тем, что живёт в стране социализма. Она уверенно смотрит в будущее — оно никому не внушает страха и сомнений. Горизонты, широко открывающиеся в нашей стране перед всяким, начинающим свой жизненный путь, широки, возможности безграничны, и удача ждёт каждого, кто хочет её и будет стремиться к ней, преодолевая все трудности.

Советская молодежь ценит все те блага, которыми так щедро одарила её Родина. Молодое поколение Советской страны не останется в долгу перед Родиной и народом. В борьбе за счастье отчизны, за коммунизм она отдаст все свои силы, все способности, всё своё умение.

На снимке: группа студентов Московского автомобильного института. Им по восемнадцати лет, они будут избирать впервые.

Фото Г. Борисова

«МОЛОДАЯ РОССИЯ»

«Молодая Россия» была задумана как общественно-политическая и литературная газета.

«В тёмном и сложном лабиринте социальных задач современности,— декларировала свою позицию редакция новой газеты,— нашей путеводной звездой будет яркая мысль социализма, а светлые лучи его — идеи социализма — укажут нам нашу дорогу, осветят наши задачи».

Под таким знаменем в рядах пролетариата мы поведем борьбу за новые формы жизни... Мы идём с пролетарием, и те, кто с нами... наши друзья, кто против него — наши враги».

Редакция объявила, что сотрудниками газеты являются Ленин, Горький, Воронский, Луначарский, Ольминский, в числе редакторов были названы также Гусев-Оренбургский, Скиталец, Евг. Тарасов, были указаны также фамилии литераторов-студентов.

В первом номере «Молодой России» была напечатана как передовая статья: «Рабочая партия и её задачи при социальном положении». Статья начиналась с указания, что «общие задачи студенчества в русском освободительном движении не раз уже выяснились в социал-демократической печати...», и поэтому Ленин оставался не в них, а на вопросе, который представлял наибольшее практическое значение, — на характеристике особенностей современного положения великой российской революции.

«Наша газета, обслуживая интересы народа, будет прежде всего говорить о широких запросах общественной жизни», — было заявлено в обращении издателей. Статья Ленина сразу же определила круг запросов, о которых должна была говорить «Молодая Россия», общественно-политического направления, которого она будет держаться. Говоря о насущнейших задачах революции, Ленин указывал, что «предстоит новая работа усвоения и переработки опыта последних форм борьбы, работа подготовки и организации сил в главнейших центрах движения». Ленин отмечал героизм пролетариата Москвы, показавшего образцы активной борьбы против самодержавия, он писал также, что «дубовские пушки революционизировали в невиданных размерах новые массы народа».

Тот факт, что с первого же номера в газете выступал Ленин, говорит о том, что Владимир Ильич придавал ей большое значение, чем, быть может, предполагали сами организаторы издания.

Вслед за статьёй Ленина «Молодая Россия» опубликовала в том же номере статью А. М. Горького «По поводу московских событий», в которой великий писатель, делаям следуя за идеями Ленина, также говорил о героизме московцев, едво заметил, что «... своей мурдой возмужалости г. Дубасов доказал людям, в чем многие сомневались». А. М. Горький ярким примером в этой статье, как нарастали народная ненависть, народный гнев, упорство народа в его борьбе: «Обыкновенный побойд десятилетия и сотнями, но, когда утомленные и голодные вонюхи уходили на ночь в манеж, московские воины строили баррикады. Потру же начались сначала...».

Напечатанные здесь же стихотворение поэта-декабриста Евг. Тарасова «Переходы слава-тьке воспеваю героизма и мужество народа,

«...Больше страсти, больше жару!
Подставляйте грудь пожару,
Что? металлу дядь задал!»

Выше факса поднимайте,
В дунах пальма зажиняйте,
Ошибайтесь, — но дерзайте!» —

взвзвот, Тем же паросом были проинкуты и стиха Скиталеца:

«...Сумрак белнеет и тает,
В сердце валежко горит,
Истина всё побеждает!
Истина всё побеждает!

Одно из центральных мест в первом номере заняла статья «Из прошлого», посвящённая университету. Приводя извустрое заявление профессора Шульгина, автора «Истории Киевского университета», что «университет не только публично разрушен», автор статьи «Из прошлого» писал об университете как о важнейшем очаге русской культуры и русской освободительной борьбы.

«Русский университет не только храм науки», говорилось в этой статье, — но и поле биты!».

В его стенах давно идёт борьба зашпитиков свободы с соборниками рабства, и летосия его бор...

Русский университет — это мощный колокол науки, но он звучит лишь под гонимыми ударами жизни».

«Молодая Россия» вынесла отсюда много срочных статей «Из партии», в которых были напечатаны резолюция конференция большинства и о слиянии центра, реорганизации партии, «Аграрная резолюция» и «О Государственной думе».

В «Иностранном обозрении» была опубликована статья «Процесс двадцати послов», в которой говорилось, что состоявшийся в Париже суд над лидерами, расценивания революционные прокламации, был, по существу, крайним проявлением буржуазной реакции на революционное движение.

«Прислужные выискали вердикт: «виновны», и лишней раз доказали, что у буржуазии не осталось уже других средств борьбы с свободным словом и независимой мыслью, кроме насилия, что буржуа отказались от эстетических требований либерализма, которые некогда, в доброе старое время, провозглашали ими в качестве неотъемлемых прав человека и гражданина».

В разделе «Наука и искусство» были напечатаны рецензии-репортажи о новых писателях: А. М. Горького — «Барбара», ещё находящийся с в портрете автора, Л. Андреева — «К звездам», Е. Чарикова — «Мужики», С. Юшкевича — «Голод». О последней лаконично было сказано: «Плеще погони в пензуре».

Парто номер «Молодой России», таким образом, был сформирован как боевой революционный орган, пропагандирующий ленинские идеи. Против Ленина за его статью в «Молодой России» депутатом петлючии было возбуждено предсудебное, в номер газеты был конфискован и уничтожен, сохранился лишь несколько экземпляров его. Такая же участь постигла и второй номер «Молодой России». Вышедшие в апреле и в августе 1906 года большевистские газеты на русском языке и газеты, издававшиеся в Закавказье под руководством товарища Сталина, помогли партии развернуть борьбу за дальнейшее развитие вперед — к свободе, свету, счастью.

Под таким названием в январе 1906 года вышла в Петербурге революционная студенческая газета. История её до сих пор ещё мало изучена, между тем она представляет несомненный интерес, так как связана с историей нашей партии и революционно-освободительного движения в России.

В самый разгар революции 1905 года В. И. Ленин указывал, что освободительная борьба России есть борьба не на жизнь, а на смерть «между старой Россией рабства, крепостничества, самодержавия и новой, молодой, народной Россией, Россией трудящихся масс, которые рвутся к свету и свободе, чтобы затем начать ещё и ещё борьбу за полное освобождение человечества от жестокого гнёта и неволи эксплуататоров» (Ленин, т. IX, стр. 181).

Этими ленинскими словами о стремлении к свету, свободе, к полному освобождению человечества от гнёта и эксплуатации определялось направление новой газеты.

Издатели «Молодой России» были революционные студенты Петербурга. Первый номер газеты должен был выйти ещё в декабре 1905 года, но «по причинам, о редакции не зависящим, он появился лишь 4 января 1906 года».

К этому времени армия разгромила первую легальную большевистскую газету — «Новая жизнь», издававшуюся под руководством Ленина, был разгромлен и стальной «Кавказской Рабочей Листок».

В этих условиях большевики считали своим долгом использовать любые возможности для пропаганды своих взглядов в легальной печати. Большую службу в этом смысле сослужила нашей партии студенческая газета «Молодая Россия». Этой газете была оказана прямая поддержка В. И. Лениным и А. М. Горьким, что лишний раз свидетельствует о постоянном стремлении партии оказывать влияние на революционную молодёжь.

В. А. Серов.

В. И. Ленин провозглашает Советскую власть.

Кукла

Рассказ

Рисунки В. Горьева

На нашем дворе почти все взрослые ненавидели Вальку, девочку лет двенадцати, подлинную и угловатую, с нарочито резким голосом.

Старая ткачиха Пелагея Захаровна, обитавшая в глубине двора, в шнелевом домике под толстой крышей, называла Вальку то «внучкой», то «соседейским соротом». Оля Ноша, работница табачной фабрики, мать нескольких детей, говорила с доброй улыбкой: «Ничего, перемелется — мука будет. А пока — ачутка».

Дворные ребята провалили её Вальку Бостон — девочка ходила в школу в робе из ткани бостон с большими напшиными карманами и со своей чёрной колкой и искрившими глазами была, пожалуй, похожа на мальчишку.

Дом она ходила в красной трикотажной майке с чёрным воротником, вернее, делала бесом бескокетства. Если пожарные лестницам прохотили изломать металлургического завода — алеским шумом заправилась Валька: если в комнату делало подостега бумажных голубков и вальцов подчас в тарелки со шамп., — это делала умелая рука Вальки. Она добиралась с озорством до третьего этажа и, повисая на водосток, кричала в открытые окна какому то раздававшему голосом:

«Расквинуло море широко,
И волны бьютут адане».

Училась Валька плохо. Её тетя, столбобразно-худая бухгалтерша, раза два в неделю совмещала в школу и возвращалась с омерзительным напсом, с застывшей на лице кривой улыбкой. В такие дни после школы Валька подходила к дому медленно, и ворот зашумело, как бы гонимая, говорившая:

— Будет дома Ерма! Сегодня Марья с шинкой сказала тётке, что я...

Ребята подкалывали: «Невозможное явление... разлагается нынче...» Валька делала им вид, рабый робит и, выпучив глаза, изумленно произносила:

— Совершенно дефективный ребёнок!
Ребята хохотали, приваливали к збору с издевательством. Валька уходила во двор, поднимала плеча, пристукала находу каблуками, и занепада озорную несню.

Ребята огуственно подхватывали песенку, но у всех тревожно бегали глаза. А Валька перед изверием трепетно поводила плечами и с отчаянным салто-мортале шмырала за коридорную дверь. Ребята стучали куницей среди двора, под армией вай, и кто-то разбегался. Из окна шнелевой комнаты сразу же доносился крик, будто это-то там двоялось, потом слышались звуки удара, как по тюфаку, следо одиночной крик, и что-то разбегалось. Хмурые ребята расходились по квартирам, что-то ублажило было, в их лицах, точно Валька страдала за каку-то правду.

В одну из зим Валька изобрела зудилку. Валькина пуговка на короткой нитке привязывалась к длинной нитке в полдугметре от конца; этот конец крепился к верхней планке окна, а другой, длинный, уводился в форточку квартиры Вальки. Она тихою тихонько тянула занитку, пуговка злягала по стеклу, и внутри комнаты, особенно зимой, а морозные дни, казалось, что по стеклу проезжают полозья саней.

В один из вьюлых вечеров зудилка сыграла на окне Пелагеи Захаровны. Только, разспирная чашем, собралась ткачиха спать, в окне начался прокатывающая музыка. Пелагея Захаровна развалилась, набросила пальто и, возмущённо выдубав зассом, выскользнула на улицу. Она долго слушала — скрипяла под вьюгой ветка; улица — опять начался музыка; с тем же зассом в руках она снова выскользнула и опять ушла. Ткачиха не могла устать до утра: решила, что это — предвестие смерти.

Наутро Ноша рассказала о страшном знаменити Пелагеи Захаровны — в шнелевом домике, чуть-чуть припаво о едальних словах, будто бы пронаезненных при этом таинственным голосом.

— А ну, скажи едальнее слово! — приставила Валька, она стояла у своей керосинки, над кофейником. — А ну!

Ноша недоуменно заморгала, да тут ещё валькин чайник загревел крышкой — Валька утерла глаза и разудала слеза сумасшедшим хохотом. Конечно, все догадывалась: она! Ноша побежала к Пелагее Захаровне с желанием успокоить её. Но ткачиха вспыхнула злостью, выбежала во двор, стала перепрыгивать валькиным окном, то боченалась, то востоянно потрясала руками и долго выкрикивала всякие ругательные слова.

— Затра вду к прокурору! — кричала она. — Избавьте же нас от ачутки! Господи! Последние же несогласитую вельму в Николае-Угрии... на цепь!

Многие в квартирах большого дома и во флигеле приставали к кукле ткачихи и думали, складываясь: пора в Николае-Угрии! И цепь вилась, всем — вместе с наручниками и посылком койком — вилась ясной; Валька корчилась на пель днём и ночью и вредить уже не могла!

* * *

Одно событие задержало жалобу Пелагеи Захаровны на двор загромота, как завод: начал надвигаться ливневый коридор. Раз в два зрала стена лес, злягло железо, перестуквали камешники, в квартирах ломали голубки, сквозные дыры проносились все этаж, штукатура сыпалась в постели и во шия, но все были довольны.

Валька с оравой ребят с утра до вечера носила по лесам: носила водопроводные трубы, выносила старые железные заборки, раздавала кузнечный огонь — приносила сталь и орала под диланте пламени:

«Товарищ, ие в силах я ватку держать!»

Прошло с полгода, дом вырос серой громадиной, с балконами, голландия заменилась радиаторами центрального отопления, в кухнях умонили водопровод примусом, на амалированных пельках загорелась голубой газ. Оля Пелагея Захаровна осталась жить по-старому: в сенях склея с отступами в канючку, в поребе зане картонки и разной озорности, двора застала в сенцах тоже, часто — а комнате.

Раз к вечеру — только что ушла рабочею — во дворе послышалась босой свист. Под желтой появился фигура, одетая в шинель с летиданка, с белыми металлическими пуговицами, берет с гербом надвигает на глаза. Набжеала ребята орала берет — это была Валька с черной, новогог распределителю чёлкой и большим эмозонным ртом.

— Я первая в мире двадцатилетичница! — заорала она. — А тётка говорит: из дрины всё равно ничего не получится... И вот она ипичево!
Ребята притисли от зависти, у всех засеркали глазки, приглядывались к гербу, к пуговицам, чей-то голосок озорно спросил:

— А ты бешешь мастером?

Мастер фрезерщик! Потом — техник! — Валька строгала руками. — И вот она ипичево!
Мимо проходила Пелагея Захаровна — может быть, ткачихе показалось, что девочка угриет её нос, обогонет её в жизни, а ещё от земли не видать, — она остановилась и захихикала, обомлелась, это что такое?

Валька тоже обомлелась и ответила озорным голосом:

— Вёрвонная жарко! — она ветавот размазала руками, закрывая прозвония, которыми она была очень довольна. — Моею оземат дурности, несогласитая вельма, ачутка! — тут

же выпримаься и, как бы гордая, отставила на всё от своего лица, с обидным удурением: — От киковой слышу!

Лицо Пелагеи Захаровны посерело, гнев как бы зперел слова. Обидан холодом хохохотущих ребят, она грозно подступала к обидчице. Валька ждала её спокойно. Она стала вилудую руку к другу.

— Здрастуйте, Пелагея Захаровна, — сказала Валька нежным голосом, — как вы поживаете?

У ткачихи перекоилось рот, она протянула руку к валькиному уху, но лёгким движением Валька скользнула под локоть ткачихи, за её спиной пустилась в беге — бежено мелькала пятка, чёлка и руки. Пелагея Захаровна, задыхаясь от ярости, отступила к флягелю, едва нашла ключом склянку в земке, в тёмных сенях широко шагнула и удурилась албом о носик открытой в комнате двери. Она свалилась на кадку с канупом, на её лёбу под ладонью налязала большая шинка. Она долго прищипывала шинку амбирной васткой, прикладывая к ней естерничкиный пист, стояла и жаловалась на проклятую бепозитишную, и не было такого ада, которого она не пожелала бы Вальке.

Поздно вечером Пелагея Захаровна вышла из флягелю с накрученным на голову полонезом под ветру. Ноша, симивавя во дворе пельки, соуственно спросила: что приключилось? Ткачиха вилудуна, беспомощно оозотрела в небо, злякала и начала рассказывать, что она проходила по двору, и вдруг как оглушило...

— Не киришь ли с лесов? — озабоченно спросила Ноша.

— Все квартиры, проходила по двору, постоянно опалелась кириша с лесов.

— Хорошо, что по лёбу! — сказала Пелагея Захаровна; эта маленькая лоя-лоблая воуничка вилудуна: — Да рабоче-то пошлабила! Как же так? Оозерво?

Пелагея Захаровна посмотрела с открытым ртом на валькино окно и неудержимо понесла:

— Коку жет! Леса закрыты, рабочих нет! Ноша слушала предположения и пербывала своим словом:

— Вряд ли это Валька: она девочка не злая, просто озорница, к тому же сирота.

— Не злая... — с упрёком протянула Пелагея Захаровна. — А вот сделала! Тихих аездаль — при рождении в мешок да!

Ноша отмахнулась пелькой, будто отгоняя гибель.

— Вот что бывает за невонетие к старинно-по библин, — гордо продолжала Пелагея Захаровна: она была очень наивная в священный поскан. — Пророка Елиеса осмеяла такие же

вот обороты, бежали за ним и кричали: «Лисий! Лисий!» И тут, по божему велению, лисий бежал из леса медведица и задрала сорок ребят.

— Сорок ребят! По божему велению... — Ноша пожелтела, как пелёнка. — До чего ж ты боишься лисий! — она закричала. — Злой, злой бог должен быть отходчивый на сердце, добрый!

Она бросала, словно видела, как руки ткачихи дробили её собственны детей бурой медведице, и, упротая, кричала, что с таким алым богом жить нельзя. А Пелагея Захаровна кричала своё, что бог—один... Ноша всё-таки первая отмахнулась от ссоры и отошла.

— Подумай, няньчина! сказала она с крыльца. — Поди, твой Елисей лисий и был!

Пелагея Захаровна посидела недолго под веткой, домыло голову, дневная усталость томилла руки, — встала и ушла в свой флигелек, бросив мрячучу утробу, что эдако с кирпичом так не останит! Когда за ней закрыли дверь, в окне флигеля появился тонкий силуэт Вальки, а сумерках лицо её тревожно белело.

— Бог добрый по праздникам, после дождей! — громко сказала она на весь двор.

Жалоба была подана, но застряла без ходу из-за нового препятствия.

Шла осень первого года войны. Почти всех детей увезли из столицы. Двор стал тихим. Кто-то из ребят остался, но большинства не было слышно, не трогали даже редкие подвздошного под веткой, разве чуть-чуть касались хвостиком, вызывавшей токсичный звук. В глубине двора, на брадмачурке, в строгом порядке висели крошки и клочки разной величины, под водостоком, где стояла занатогоче большая белая ванна, плавали бумажные лодочки.

Валька работала в пожарной команде дома. В часы боев её голос слышался с крыши, и теперь он никому уже не казался обаятельным.

В одну из сентябрьских ночей, под утро, завыли сирены, сплывший голос прозвонил во всех квартирах: «Граждане, воздушная тревога!» Стрельба зенитки, по двору зноявил и было и что-то шёлкало по тьме, как в цирке. С чердака большого дома брызнула небесный свет. Пожарники бежали по внутренней лестнице наверх— голубой дрожящий свет заливал все чердак, стёршая казалась граффити.

— А, хватяй, Мария Ивановна! — кричала Валька в глубине чердака.

Она вынеслась из тьмы, держала в обеих руках щипцы с термиткой, роняла капли огненного металла в чердачную пыль, её волосы казались флюидовыми, свет и тень слышали

лицо. Подбежала к другой бомбе, взлохотавшей на полу чердака, положила свою ладонь и засмеялась без несом из ящика. Термитки урчали, источая рыжий дым, а Валька светила на них фонариком и серьёзно, словно отгешивая, опускала на каждую по вилку.

Валька воткнула фонариком в липа пожарников и выпрыгнула в чердачное окно.

— Гонят! Пелагея Захаровна вылетает!

Она спрыгнула с крыши, вынеслась на галерею лестницы, голос её утонул в глубине.

Когда пожарники вырвались во двор, подоглазилась овинойю по толо флигелек ткачихи. Валька расслезла по крыше, сварила толь, ныряла его на землю вместе с термитками. Малышники хватили бомбочки щипцами, топили их в ванне, в воде. Бомбы коротко и бурливо светили в воде розовым светом. Пелагея Захаровна, таща и флигелек пожарный крок, со стоном читала «Отче наш», сбивалась.

— Тетери, бегор! — кричала Валька с крыши.

Валькина тётка семенила по двору, прижимая к тощей груди земный накомник, плакала; плакала без коротко, она упорно пыталась дотунуть его до флигеля.

— Брось кипку! — командовала Валька. — Давай щипы!

Сделали щепь. Ведро поили чохотка к флигелю и к крыше, а крышу сразу закуривали галубыми клубами. Привитая Пелагея Захаровна пыталась проникнуть во флигелек, но там ещё было полно чуда. На средину двора выбежала Ноша в холщевой рубашке и, заламывая руки, знояла.

— Горим! Горим!

В слуховом окошке флигеля тоже замигал небесный свет. Валька спрыгнула с крыши, вынеслась по пожарной лестнице и вбежала в слуховом окне. Небесная пламя вспыхнула на чердаке ярче, но сразу ослабло — в окошко потянуло плотным дымом. Валькина голова провалила его полон, она слезала с крыши, провала в водосток, прижала на одну ногу, и умылась у ванны.

Подошли пожарники, с ними доктор, которого звали небольшой рост называли «маленький доктор». Он обхватывал почти каждый лезв. Ноша не ходил по лестницам дома, перед больными поднимала голубую от седины бородку и говорил потерпевшим голову матерям.

— Успокойтесь, маленькая катастрофа!

«Маленький доктор» сразу заметил, что одна валькина нога была черной. Он заставил её сесть на край ванны, снял с её ноги башмак — на худенькой валькиной икре была рваная рана.

Он потронула чистой водой — сразу принесла три ведра. «Маленький доктор» помыл руку из одного ведра, залил валькину ранку иодом и принялся бинтовать.

— Успокойтесь, — сказала ему Валька, — маленькая катастрофа!

— При доброй взаимной связи людей, милая Валька, — сказал «маленький доктор», и чёрные его глаза блеснули лаской, приметной в ночной полумраке.

— Я испугался? Вот новости!

— И хрибар! — твёрдо сказал доктор.

Валькина обожжённая рука, лежавшая на плече «маленького доктора», дрогнула, и нянька, низко опустившись валькину голову.

На комодике, возле круглого зеркала, тикал будильник.

Головные платки всех цетов, тканые и с набойкой, были набросаны по столам, по стульям, по кровати — комната Пелагеи Захаровны горела из красками. Тканка вытжвала из севенящего судачника новые и, заглянула в лицо Вальки, подала ей. Валька хватала платки привычным движением худых рук, прикладывая к юбочке, на бедро, под подбородок, вытжвала новые и обхватывая собой в зеркале.

— Есть ста лет и больше, Вальюша, — говорила Пелагея Захаровна. — Сплели мастера-то, а что делают! — она повела руку и сказала нарисав старую пенсо:

«Хочешь ленты и платки,
Или шелковы фаты?»
Шелку ткут такты французски —
Все ребята наши русски».

Зелёное валькино лицо отразилось в зеркале искажённо: она замигнула за ворот и за голос юбки платочком, тикавший по углам сквозняком платочком.

— Это автовокое манеру платочек — сказала Пелагея Захаровна и вынула другой, белый, тканый белым, розовым и серым. — А это колданный манер, вынче носе азбукит!

Она завернула стопку платков в мягкую бумагу, закатала их в газету, перевязав ниткой крест-накрест, и подошла со свёртком к Вальке, которая ссутулывалась у двери.

— Сутки не томил, носе протудит! — ответила Валька хриплым, как у пропавши, голосом и злобно посмотрела на голую обрешотку потолка. — Смотришь в небо, а он летит низко и тудисит... даже жарко свелается...

И Пелагея Захаровна вразброд посмотрела на потолок. Валька достала что-то из кармана юбки и раскрыла перед ткачихой ладонь с пулей.

— Рядом пробила крышу, почти вся влезла в дерево, испуно вымаршара твоеден!

Пелагея Захаровна положила свёрток с платочками Вальке на грудь и валькину руку выжала и уложила в подарок. Валька выскользнула из её рук и громко хлопнула свёртком по столу. Кровь брызнула в лицо Пелагеи Захаровны, она подхватила свёрток и снова положила его к ляду девочки. Валька ещё лее шлёнула им по столу.

— Это ты с угару после пожара... Валька! сунула карман! — Сперва скажи, надо дело с кирпичом?

— Вал, Вальочка, хитит! — слышны помехи на ресничках Пелагеи Захаровны. — Возьми, сделай милость!

— Не до платочков...

Пелагея Захаровна завладела талии колочий Вальки, ниткой прижала её к широкой крыше и принялась её уговаривать, что там и без неё обойдутся, да и возьмут ли ещё: кама польза?

— Ласточка моя... и тётка испугалась...

Валька принимала лёгкую мекку, с опущенными руками, глаза её ярко искрились, под чёрной юбочкой пряталась лёгкая брови.

Двор залит лунным светом, но луна казалась лишней: во всех домах были распахнуты освещённые окна, на улице сиял серебристый свет электричества.

Под нивой на скамейке тесно. В середине,

Доктор заставил её сесть на край ванны.

между Пелагеей Захаровой и Ниной, сидела тоненькая Валька в коротком костюме, на её груди поблескивал ордан Красной звезды. Она рассказывала низким прерывистым голосом; все слушавшие тихо, одна Пелагея Захарова вслепывала могучими заломами.

Рассказ о работе разведки. Как она шла на шоссе, одетая мальчишкой, за плечом в торбе была мина, завёрнутая в драповую кофточку; нужно было поставить за холмом, на повороте. И были ещё в торбике четыре пилки, дуковки и соль в тряпчочке. Она шла serene

— Успокойтесь, — сказала «маленький доктор» палочкой в руке, — никакой катастрофы. Я завтра поеду и посмотрю состояние раны.

Нина спросила у Вальки: теперь она, конечно, будет учиться «на учительшу, на техник или на бухгалтершу?»

— Нет, тетя Нина, — ответила Валька, — поступлю в один институт, потом поеду работать за Ледовитый океан. У нас был родной старшина Иван Сергеевич Гриненко — работал на океане. Как рассказывал про Гольфштрим — это тёплое течение, проходит

ЧЕРТЫ ПОБЕДЫ

Победа —
Это вырытый в снегу
Олеп
Наподелёку от Москвы.
Победа —
Это выстрел на багу,
И мрачный танк, идущий через рвы.

Победа —
Это Сорок Первый год
На рубежах железных
Под Москвой.

Победа —
Это вихри непогод
И властный клич команды базов,
И те —
Кто умирает — не умрут,
И правый флаг
Литых гвардейских рот.

Победа —
Это исполненный труд,
В котором провернется народ...

Победа —
Это амьский ветер
Над непокрытой головой,
Когда любимый город светел
И занавешен синевой;
И без чехлов
На башках звездам,
Впитавшие весенний свет,
Лучаты,
И видны сквозь вёрсты
С звездами
И с остальных планет.

Победа —
Это сад от плуга,
И пар над пашней на заре,
И утром молния от друга,
Который ночью
На Днепре,
Закончив первую турбину,
Вдыхая голубой дымок,
Бродил под ветром, бьющим в спину,
И до утра уснуть не мог...

Победа —
Где лежит твоя осыпанная
Осыпанная твоя,
Где меркнут все слова,
Где остаются лишь четыре слова:
Народ.

Свобода,
Сталин
и Москва.

ЮРИЙ СТЯХНИН НА СТАРОМ МЕСТЕ

Всё так, как было до войны:
Сады в сиреневом кипении
И ночи тёплые нежны
В далёком соловьином пении.
Цветут каштаны в парке старом
Над галлею тёплого пруда,
И отражает снова пары
В золотом зеркале вода.
И по отношению нам рекою
По древним, вытертым камням
Проходила рядом мы с тобою...
Но стёкла те — не к пражским дням.
Теперь по-новому всё мерит
И свято память бережёт.
О том, что был кому-то берег
Бог этот — славным рубецком.

1947 г.
Г. Иманов.

Она рассказывала низким прерывистым голосом...

длинной шоссее — и вдруг из шоссейного ровника поднимается немец-снайпер и прикалывает: показать мешок! Она сняла торбочку, положила перед ним, развязала и открыла. Он возли из торбочки пшенику, стоит, ест и смотрит, а она нацелилась: опорожнить его за ноги, потом вырвать выткнуто... Он спокойно нагнулся, взял другую пшенику, жуёт, спросил: откуда она? Валька ответила, что несёт соль в деревню. Он же почему-то захохотал и сел перед торбой на корточки, берёт и ест третью пшенику. Потом достал и последнюю, дуковскую брезгу, играет ими рукой в торбочке. Доел последнюю лепешку, похлюпал ладонью по мине-соле? Она ответила: соль. Он встал и отступил её. И тогда она завывала торбочку и надела её, не торюясь, хотя хотелось спешить, пошла — и за холмом поставила мину.

— Ах, вешай тебе возьми! — вскричала Пелагея Захарова.

Из чёрного хода большого дома вышел «маленький доктор», деловито подошёл и позвал Вальку руку, спрашивая: как нога? Валька схватила костыль, попыталась встать, но «маленький доктор» удержал её.

— Рассказка, как тебя раннил, — потребовала Пелагея Захарова. — Вот и доктор послушает.

Валька конфузно натянула юбку на бедолагоду в ярдое окоу и нетерпимо ответила, что тут ничего особенного. «Маленький доктор» опять спросил о состоянии раны.

— Спасибо... Говорит, нога выправится.

Валькина тётка виновато потопалась перед скамейкой: пора к отходу, и кивая головой, и заглаз хвать на первыкучу — её голос срывался. «Маленький доктор» спросил, где делают перевязку, и Валька назвала улицу, где госпиталь.

по двум океанам, приносит тёплые дожди и обильные урожаи, — она задумчиво встряхнула головой. — Если даже плохо приедет с ногой, всё равно поеду. Везде, где паша гурьтася саряды, по-видимости выжат осыпанка, а Иван Сергеевич рассказывал про океан. Ничего для нас не жалед, последним, бывало, поделится. И он тоже говорил: «Мать у нас одна — огоньная».

Высокая луна освещала их лица.

— Только... его уж нет... — продолжала Валька. — Нас трое было конных разведчиков. Мы сказали на его могиле: «Что бы ни случилось, — все пойдём работать на океан!»

«Маленький доктор» согласился твёрдым «попозитно».

Тётка напомнила о кани — охоту лесузе-фальшивым голосом. Валька подвинула на одну ногу, скатывая костыль. Её поддерживали. Нина пошла вперёд и предуреджала о каких-то ямках, которые «ребята наозоровали для чижика».

Перед холмом Валька широко размахнулась всем корпусом и, сделав на костылях немилосердное сальто-мортале, утонула во тьме коридора.

— Сумасшедшая! С таким равинем! — закричал доктор.

Все разошлись, а Пелагея Захарова долго ещё стояла под ветой, выдыхая и бормоча:

— Огневая мать... тёплое течение... земле урочай...
Она осудительно качала головой и повторяла эти слова, проговаривая их алчующе, дожевываясь а них смысла и свиски.

В углу двора, где на брандуэаре ещё висели противояжные инструменты, тихонько воррало эхо.

Севанск

Ереван стоит на Занге. Этой небольшой реке, которая обтекает город с запада и исправно поит сады и скверы, посвященным пятилетним планом изготовлено славное будущее. Она станет гордостью и достопримечательностью Армении. Тысячи экскурсантов со всего Советского Союза будут приезжать на скалистые берега Занги, поднимаясь вверх по её течению, восхищаясь великой легионией, сооруженной на этой реке, восхищаясь тем, что в состоянии славы с природой человек — хозяин своей судьбы, хозяин своей страны.

С нового моста, переброшенного в Ереване через Зангу, я смотрю на камни, рассыпанные по её дну, на воду, что, пенясь и искривляясь на солнце, горламо обтекает камни. Кажется капля этой воды ожидает на полях и в фруктовых садах в долине Арагата. Строительство Зангской водной аэстанции — часть большого замысла, осуществление которого должно значительно увеличить этот лаб.

Что же это за легиония? И почему водила?

Высоко в горах, слоено скаленное каменными объемами могучих хребтов Малого Кавказа, в окружении угрюмых скал, лежит озеро — одно из крупнейших высокогорных озер мира. На карте оно похоже сегодня на косой треугольник голубого цвета. Я огорчаюсь: сегодня, — потому что треугольник меняет свои очертания. Он меняет их даже в ту ми-

нуту, когда вы читаете эти строки, меняет каждый день, каждый час.

Озеро и в самом деле голубое. Азербайджанцы называют его Рочка, что значит голубая местность. Армяне зовут его иначе — Севан. Севанк по-армянски — чёрный монастырь, на небольшом скалистом острове сохранились руины монастыря, сооружённого более тысячи лет назад и давшего имя озеру.

В каменной чаше Севана хранится без малочто 60 000 000 000 кубических метров воды. Представьте на секунду, что чаша опрокинулась. В этом случае на Армению извергнется гигантский поток: на каждый квадратный метр армянской земли выльется по два кубических метра воды. Стекающие со скал потоки быстро превратят изморозные части страны в водоёмы, скроют под собой город и сады, нены и сады. Вот что скрывается за числом, состоящим из шестёрки и десяти нулей справа от неё!

Вода — один из важнейших источников благосостояния Армении. С водой армянский народ связывала свои мечты о счастье, воде посвящала многие легенды и сказки. От количества влаги здесь зависит размеры посевных площадей, количество урожая хлеба, хлопка, фруктов, винограда. Поэтому шестидесят миллионов кубических метров воды в севанской чаше — это подлинное национальное богатство Армении.

Долгие века севанской водой пользовались преимущественно рыбы; в изобилии водились в озере. Здесь много замечательной серобористой форели. В равной степени Севан славится зоматистыми котиками и большими усачами — разновидностями многочисленного семейства карповых рыб. Форели, котики и усачи были главными хозяевами озера. Лишь незначительная часть вод шла на орошение засушливых земель в долине Занги, единственной реки, вытекающей из Севана.

Озеро скупно отпускаяло воду Занге, и в иные годы река обтекала по своему каменному ложу едва заметным ручьём. И всё же, несмотря на кичущуюся скудость, Севан — рясочистый.

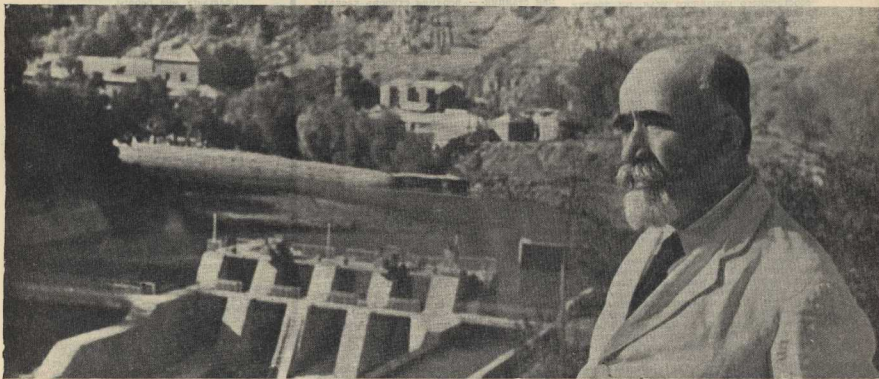
Почти три десятка горных рек, ручьёв и потоков, обильные дожди и снеговалы ежегодно доливают чашу Севана более чем миллиардом кубических метров воды. Значит, с течением времени воды в озере должно становиться всё больше и больше, значит, она будет переливаться через края чаши? Нет, это не так. Плавящие лучи солнца помогают подвигать часть этой влаги, превращая её в облака, угоняемые ветром.

Посчитайте, что Занге перепадает едва одна пятнадцатая доля той влаги, которая поступает в озеро на протяжении года. Подсчитано также, сколько озёрной воды превращается ежегодно в туманы и облака. Эта цифра велика: она превышает

Строительство Севано-Зангского каскада. Слева: в шахте подземной электростанции. Справа: общий вид озёрной гидроэлектростанции.

Миллиарды

Вверху: долина реки Занги; здесь будет построено несколько гидростанций. Внизу: автор идеи Севанского каскада Сукьян Манасерян.

миллиарды кубических метров. Миллиарды! А ведь вода так необходима Армении...

Можно ли погасить Севан на службу человеку? Можно ли направить воду на поля и в сады Армении, заставить её двигать турбины электрических станций, давать свет городам и сёлам? Можно ли шире открыть зангиевский край, через который вытекает вода из озера?

Исследования и изыскания показали, что можно.

Проекты освоения богатства Севана составлялись неоднократно. В Армении жив и посейчас Сукьян Манасерян, человек, который за несколько лет до Великой Октябрьской социалистической революции составил научно разработанный проект полезного применения севанских вод. Паркею правительство не считало нужным опускать деньги на осуществление таких проектов: благосостояние армянских крестьян отнюдь не служило

предметом его заботы. Было, впрочем, и ещё одно весьма существенное обстоятельство, которое мешало реализации проекта: низкий уровень техники в буржуазно-помещичьей России.

В годы пятилеток гидротехники Армении, взяв за основу предложение Сукьяна Манасеряна и проведя много дополнительных исследований, разработали интереснейший проект постепенного спуска воды из Севана.

В течение нескольких десятилетий уровень озера будет снижен на пятьдесят метров. Обзривую воду постепенно опустят в Араратскую долину по руслу Занги, которое станет гигантским водохранилищем.

К настоящему времени Севан уже спущен более чем на два метра — белый песок обнажившегося известняка тинится вдоль его берегов, напоминая о прежнем уровне озера. Вода уходит из каменной чаши, и уже высокою маленькое болотистое

озеро Гялаи, которое находилось к востоку от Севана и соединялось с ним узким проливом. На озере Гялаи ещё недавно греблялись вылазцы поребристых птиц. Здесь была одна из «птичьих гостиниц», куда пернатые летались дважды в год: весной — по пути на север и осенью — по пути на юг.

Озера Гялаи больше не существует: оно стекает в Севан, а оттуда по Занге и по оросительным каналам — на землю армянских колхозов и совхозов. И сейчас научные работники изучают изменившийся в этом районе климат, изучают поведение птиц и насекомых в новых условиях. Спуск озера представляет большой интерес, ибо в таких огромных масштабах проводится впервые в мире.

Что же, Севану суждено полностью исчезнуть?

Нет. Оно отлает армянскому народу часть накопленных веками богатств, но

СТИХИ о РОДИНЕ

Витряя пот со лба, ты
Вылезешь на перрон:
Это ж Родина, солдаты,
Родина со всех сторон!

Муравьиные артели
Проплывают в море,
А места родные — те ли!
Словно будто бы не те!

Черепица на затях
Разрушились они,
А токму копыи пугали
Вода, куда ни звали!

В синем воздухе опилин,
В чистом поле трактора,
И мякина с молотилки
От колхозного двора!

До чего привольно стало
Для толковой головы
В этом грохоте металла,
В этом шесте травы!

Попадайте мне работы,
Силы новые во мне,
Я пройду в рядях пахоты,
Не сплотившись на войне.

Будет скоро всякой снедью
Зернома полны,
Ведь в дереве блещет медью
Перевая волю!

Кораблей любого роста
Топлы под Москвою,
Зависели в перила моста
Ветерок морской.

Загулять шуга грузки
Гроют шквары:
По-советски и по-русски —
Больше и быстрее!

Наругам не задаром
Эти корабли
Первосортнейшим товаром
Влазавской земли.

И не даром золотится
И бежит волной
Полновесная пшеница,
Колос наливной.

Начинают сил воды
И для нас синеть,
И гонят парозоды —
Древная медь.

Иван ОЗЕРОВ

ПАМЯТНИК

Нем каждый возвратившийся дорог.
Он шёл, но оглаившая назад,
Так пусть ему памятник будет
И на чужбине — наш город.

Что ваят в трёхуровневых лесах.
Зелёным обломом сяд на Окую,
В нём курские солдаты лежат,
Мы живём ещё следом не такую
Рукими, намятанными в бою!
Ведь снова по тем же местам мы идём,
И гонят парозоды —
возвездом дом.

г. Орск,
1947.

не оскудет. Севан останется, хотя на протяжении многих лет уровень его будет падать и падать. От года к году голубую прозрачность она будет сокращать и уменьшаться, пока он не приобретёт тех очертаний и той величины, которые назначены ему учёными. Достигнут этого предела, скоро прекратит сокращаться в объёме. Это и есть та поправка, которую инженеры вносят в природу.

Свыше двухсот тысяч гектаров земли удастся освоить для земледелия и садоводства в засухливой Араратской долине, возросит в жизни севанская вода. Кроме того по мере испарения озер на его берегах начнут обсыхать плодородные почвы. Предназначены эти так называемые «ожившей» земли появится около ста тысяч гектаров. В результате посевные площади Армении возрастут больше чем в полтора раза по сравнению с тем, чем располагает она сейчас.

Идея, которой Сукис Манасерян посвятил свою жизнь, поддержана советским правительством, подкачена тысячами людей.

Севан в состоянии не только орошать землю. Академик Графтио образно назвал Севан жемчужиной советской энергетики: озеро может дать Армянской республике количество дешёвой электроэнергии. А это исключительно важно для страны, но имеющей в собственной недрах, ни собственного каменного, ни торфяного, ни видов минерального топлива. И уголь, и мазут, и даже лава дрова валят за сотню, а то и тысячи километров.

Севан лежит на высоте почти двух тысяч метров над уровнем моря. Арарат, куда доходит Зангиз, течёт на тысячу метров ниже. От Севана до Арарак всего несколько десятков километров. Таким образом, на небольшом расстоянии от озера спускается с гор почти на целый километр. Эта особенность Занги и подсказала мысль превратить её в своеобразную водную лестницу.

В нескольких местах поперёк Занги встанут плотины. Перед плотинами возникнут водохранилища — ступени водной лестницы. Занга, пройдя Арарат и Аррак — не так, как она текла всё время — по этой лестнице: вода будет падать со ступенки на ступеньку. Сила её падения приведёт в движение турбины гидроэлектрических станций, выстроенных на берегах реки.

Занга предостит немало выработать. Каждая капля её воды будет использована много раз; небольшая Занга станет одной из самых работающих советских рек. Вода, пропущенная через лопасти турбин первой станции, вернётся к Зангу, добежит до турбин второй станции, снова вернётся к реку, приведёт в действие турбины третьей станции, затем четвёртой, пятой и так далее.

Когда все станции будут готовы и начнут действовать, Занга становится похожей на извержающийся уступами водопад. Такие водопады называют каскадами. Поэтому будущие сооружения получили наименование Севано-Зангического каскада.

Первая ступень каскада — одна из ступеней водной лестницы — находится в Канакере. Вокруг станции громадеят холмы и горы. А среди холмов и гор проложены обводняющие каналы, к которым сооружены шлюзы, сооружённые большой бассейны, называемые Запашным морем.

Канакерскую станцию пустят в эксплуатацию несколько до начала Великой Отечественной войны. Но пока действует она ещё не на всю свою силу. Было бы целесообразно подводить ошину к Канакерским турбинам станция, выстроенная на Севане, сколько потребовалось бы для того, чтобы привести в движение турбины нескольких ступеней каскада. Прежде каналы будут готовы другие станция Канакера получат больше воды и начнут вырабатывать больше энергии.

В нижнемов пятиэтажном сооружении ещё две ступени водной лестницы: каскады Гомусская и Озёрная.

В Гомусе сооружается одна из наиболее крупных электростанций будущего каскада. Её здание к концу пятилетки. На мощной свае впадет в действующую сейчас армянские станции и будет вырабатывать многие десятки миллионов киловатт-часов электроэнергии. Обойдётся эта энергия очень дешёво, дешевле, чем энергия любой другой сооружаемой в Советском Союзе гидроэлектростанции.

Строят Гомусскую станцию трудно. В ходе строительства потребовалось свыше одиннадцати километров, проехать каналам, соорудить акведуки. Около пяти миллионов кубических метров земли — скальных пород — пришлось вывезти и перенести на строительные Гомусы.

Строят Гомус опытные люди. Многие из них участвовали в сооружении Канакерской станции. Есть здесь и те, кто только недавно вернулся на родину из зарубежных стран. Для новых граждан Советской Армении всё здесь необычно: и гигантские масштабы работ и отношение к людям, столь непохожее на то, которое было и в родном чужих странах. Строители уже меняют пейзаж местности: воздвигают дома для рабочих и служащих, прокладывают дороги, высаживают молодые деревья.

На самом берегу Севана строят Озёрная станция — верхняя ступень каскада, начало Зангической лестницы. Здесь сооружают водоприёмник — тот самый канал, через который человек будет сплавлять озеро. Понаблюдает — край отступит пошире, понаблюдает — запор воды ослабит. Отсюда начнётся бег водных струй к турбинам всех ступеней каскада.

Мне было известно, что работы на Озёрной станции близятся к завершению, но сколько я ни вдумывался, ничего вожожего на здание станции не отыскал. Главным, что всё обожилось в толще скалы, на глыбе скалы эта метр — на том уровне, на каком впоследствии окажется вода в Севане.

Это первая подземная гидроэлектрическая станция в нашей стране.

В скалах над озером виднелся корыт шахт. Строительные материалы спускались с крайнейшим звуками скреки порогами. Но техника ныне у нас уже не та, что была в царской России. Есть и люди, которые освоили новую технику. Проходят возмёт с помощью пневматических перфораторов; их изготовили на советских заводах, построенных в годы пятилеток. Мощные компрессорные установки подаёт скважины воздуха к отбойным молоткам и бурям. И компрессоры, и отбойные молотки, и бурьи тоже сделаны на отечественных заводах. Часто разнятся вранья. Враньями прокладывают турбинами в скалах, резинных салахах и водопроницаемых костюмах; метр за метром строители углубляются в скалы. Электровозы, моторовы, турбовозы лифты убирают, откапывают порогу на поверхности. Уже закончена бетонировка свода, машинного зала, глубоко под землёй устанавливаются турбины.

За последние годы в Арарате мощность гидроэлектростанций Армении возросла в сорок раз. Это позволило построить и пустить в ряд крупные заводы, на которых делают карби-кальция, искусственный каучук, автомобильные шины, серную кислоту, суперфосфат. Севанская вода, обращённая в электричество, помогает ещё больше развить такую отрасль нашей промышленности, как алюминиявая, металлургическая, химическая, машиностроение.

Пять миллионов киловатт-часов электроэнергии вырабатывали в 1913 году гидроэлектростанции Армении. Восемьсот шестьдесят три тысячи киловатт-часов дадут в 1950 году. Так шагают строители коммунистического общества в нашей стране.

Вашей симфонизацией

Из клуба доносились звуки духового оркестра.

— Ремесленники паши! — сказал мой спутник, работник горняка партии. — Молодые ребята, но обратите внимание, как чисто играют.

— Почему вы думаете, что это ремесленники? — Да потому, что в нашем городе пока только один оркестр и есть — ремесленного училища. Они у нас монополисты по музыкальной части. Так сказать, больше симфонический. Устраивается ли вечер на комбинате, выдают ли аттестаты зрелости в средней школе — всюду приглашают музыкантов из РВ-10.

«Большой симфонический» — это обещало быть интересным. — С этим училищем стоило познакомиться поближе.

— У ворот довольно большой территории, огороженной деревянным забором, толпились группа молодых людей. У всех в руках были трубы, корнаны, тромбоны, дудочки с музыкальными инструментами. — Видно, они собирались куда-то ехать. Какую-то девушка-блондинка напевала популярную мелодию, парень с асфальта вслух повторял стихи Исаковского «Бес ты же даль, бес ты же даль, с одной стороны, держась одной рукой за прибор, чернела девушка озабоченно выделывая замысловатые балетные движения. Это было мало намешанно подкача ремесленного училища, готовые слесари, токари, электромонтажники, электросварщики и кузнецы.

Однако это было именно так: здесь действительно помещалось ремесленное училище № 10 — РВ-10, как сокращенно называли его здесь в городе, а изумая застряв, встречающимся нам у ворот, — не кто иные, как воспитанники училища, любители искусства. Они ждали машины, чтобы отправиться в Ново-Покровский район; там они собирались дать концерт для колхозников.

Было погожий день. Солнце щедро обогревало землю. У входа в канцелярию, на скамейке, сидел пожилой человек, в белой рубашке, с накрученным на плечи вилджем, и внимательно наблюдал за мимикой. В его глазах, добрых и ласковых, сквозила грусть — так смотрит отец на детей, покидающих родительский дом.

— Теперь они уже не мои, — сказал он со вздохом. — Они уже колхозники. Но уже меня так и сына новые будут. И так уже в который раз!

Иван Макарович Кошевал — так зовут училища — старший мастер ремесленного училища. Это его должность. На самом же деле он не только мастер, он и воспитатель, и наставник, и старший товарищ. Приехал Иван Макарович сюда в Ново-Троицк, четыре года назад. Тогда же, на гоном колхозе южно-уральской степи, был лишь изданный вилджем. Но уже сменялись со всех концов люди, с утра до поздней ночи не умолкая шум стройки; начиналось огромное строительство металлургического и ремесленного училища. Была готова кадры для будущих механических цехов завода.

— Вот на этой площадке, где мы теперь с вами сидим, — рассказывает Иван Макарович, — были гравий, заваленный мусором. А в этих домах, где живут сейчас наши ребята, жили строительные рабочие, — тогда еще трехэтажные нары были. Застыл а тут сто сорок ребят. Из дегтяжом, дегтевином, престо безразличном. Многие из них были сиротами; родителю потеряли на войне. Время было трудное. Не хотелось беспокоить государство. Вот мы и решили сами устроить свои жилища, да в этих домах, где живут сейчас ребята, — так, чтобы получить. Не хватало кирпича — ретак, чтобы получить проволоку, куски железа, а кузнеца нам их гнули, сварщики варили, — смотришь, и железные койки получились. По-

стели нам из Чкалова привезли. Помещения, конечно, тоже сами победили, поштукатурили. А дюрик этот, что вы видите, камбум, дюралюминий — тоже сами оборудовали: расчленили площадку, сжали цветы, спиловали саженыя пиломатериалы. И отработку эту жасунову тоже сами сделали. Потом уж и водопроводная сетка появилась и турники для гимнастики. Сейчас о футбольном поле мечтаем. И хозяйство свое есть — десять гектаров земли обрабатываем. Нам, всем, убираем. Свои картошка, своя капуста, свое шеню...

Обо всем этом Иван Макарович рассказывал не без гордости. В самом деле, можно гордиться тем, что люди сумели создать поистине образцовое ремесленное училище, несомненно, одно из лучших не только в Чкаловской области, но и на всем Урале.

Четыре года существует РВ-10. За это время вымучено уже семсот пятидесять человек. Подкачивающее большинство их работает в цехах строящегося комбината. Из выпускников первого набора десятки стали уже мастерами и сами обучают новых рабочих. О Василии Обухове, Анатолии Трофимове, Аине Кузнецовой, Дмитрии Сарасе говорит, что юни и старичкам не уступят.

В мастерах, в классах, в общежитии — всюду образный порядок, безупречная чистота, и это бросается в глаза. Каждый мастерские тоже созданы руками самих учеников и инструкторов. Станки буквально собирали по винтику. Теперь училище имеет уже семнадцать станков.

Мастерские напоминают лабораторию научно-исследовательского института — так здесь чисто, светло и просторно. Стройными рядами, как по ниточке, стоят слесарные тиски, токарные станки. В центре, на возвышении, стоит мастер в синем комбинезоне. Ему отлично видна вся группа.

Иван Макарович позвонил как с мастером-инструментальщиком Иваном Тарасовичем Шимковим. Ребята очень любят его. Любят не только за то, что он хорошо учит их, но и за его боевую биографию. А биография у него, надо сказать, богатая. Где только не воевал он! И на Халхин-Голе, и в срагах Финляндии зимой 1940—1941 года, и на северных берегах в годы Великой Отечественной войны.

Когда мы возвращались с ним из мастерских, нас начал какой-то ученик. В руках он держал заржавленный болт.

— Иван Макарович, разрешите обратиться? — сказал он старшему мастеру.

— Пожалуйста.

— Я болт нашел. Куда его теперь?

— Снеси в кладовую.

— Есть, снеси в кладовую.

И парника, молочество повернувшись, быстрым шагом пошел по направлению к кладовоу.

— У нас так завелось, — объяснил Кошевал. — Если попался на дороге болт, гайка, кусок железа, — никто мимо не пройдет: обязан поднять и сдать в кладовую или снести в тельце за стеной. Привыкает настоящих хозяевам бытия.

Тут же мне рассказали один характерный случай. Какой-то ученик вонзил лом хвостом в лагерь. (Училище имеет чудесный лагерь в лесу на берегу реки Урал, где ребята отдыхают от городской суеты.) И вот этот ученик, по ошибке идя по оврагу, положил хвост в валочку. Дюжурный по комнате вдруг заметил, что валочка исчезла. Вся группа замолчала: как это так, чтобы вещь в общежитии

пропала? Такого позора быть не может. Расследовали это дело и выжили виновника. Так он вечером побегал в лагерь за валочкой и поспешно на все жизнь, что больше никогда этого делать не будет. Факт, может быть, и мелкий, но он показывает, как бережно относятся подростки к социалистической собственности.

Иван Макарович проводил меня в общежитие внах электросварщиков. В комнате никого не было, кроме дюжурного. В помещении ни сорника. На дверях чистые гардины. На окнах шторы. Кровати аккуратно заправлены. На постелих свернулись треугольником подушки, на стене висели вышитые красными, желтыми, голубыми, синими итками «С добрым утром, Миши!», «С добрым утром, Ваня!» Оказывалось, это девочки швейцуют над мальчиками.

В училище регулярно устраиваются технические конференции. К слову сказать, такие конференции можно было бы показать и многим столичным ремесленным училищам. Ребята делают обстоятельные доклады, охватывают готовое изделие. На одной из конференций юные кузнецы Куналов и Хоменко рассказывали о технологии изготовления стальных тисков и плоскогубцев, а слесари Голышев и Головаев докладывали о способах механической обработки. Конференция эта продолжалась почти час. На ней присутствовало сто делегатов.

Часто выступают с докладами и молодые мастера из бывших учеников. Трофимов, например, рассказывал о приемах обработки металла запяточником, а Обухов — о технологии высаливания металла и изготовления отверстий кузнечным способом.

Я просмотрел папку с письмами. В них много живых откликов отцов, матерей, довершающих судьбу своих детей Ново-Троицкому училищу:

«Уважаемый тов. Запратин!

Примите мою благодарность за Ваше внимание. Мне было очень приятно узнать, что моя дочь Юлия имеет хорошие оценки по учебе и поведению, а также что Вы довольны ее поведением и участием в кружковой работе и общественной жизни. Я тоже надеюсь, даже уверена, что она станет серьезным человеком. Я, как мать, очень признательна Вам, а также всем воспитателям и преподавателям за то, что Вы даёте моему Юлии знания и навыки для жизни...»

С благодарностью А. Севастьянов.

А вот что пишет Николай Лаврентьевич Подольский, инванд Отецественной войны, из Калужской области:

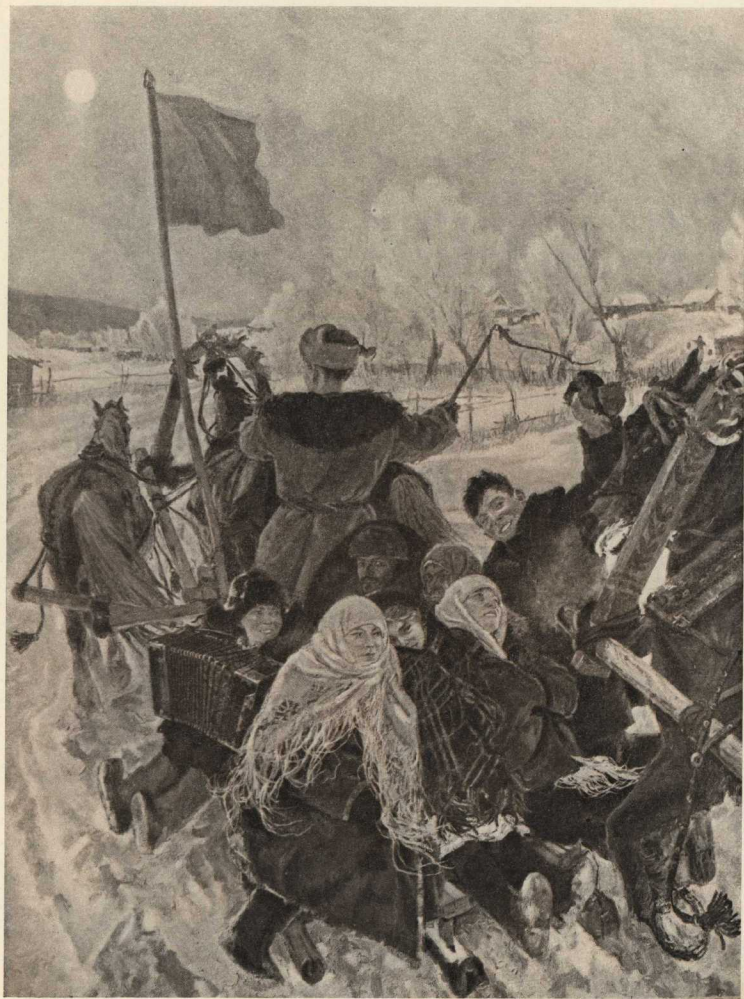
«Уважаемый тов. директор!

Я слышал много положительных отзывов о Вашем ремесленном училище. У меня есть сын семилетку, и я решила послать его к Вам, чтобы из через два года получить специальность. Убедительно прошу Вас сообщить, сумеет ли Ваш мальчик моего сына в Ваше ремесленное училище поступить, и я решила послать его вместе с Вами. Есть желание и у сына быть Вашим учеником...»

...Когда я прощался с директором, в кабинет вошёл какой-то молодой человек и сказал:

— Ну, теперь как же, Василий Иванович? Ребят выпустили, значит, «большой симфонический» — и я сдался при этом выражительный жест.

— А вот и нет, — ответил директор. — У нас, брат, всё учено. Нынче замполит Александр Константинович Седин есть с прошлого года на должности дублора. Они играют уже не хуже «стариков».

А. А. Пластов.

Едут на выборы.

В польском городе Кракове, на высоком холме над Вислой, стоит старинный собор. Темносерые стены его покрыты мелкими морщинами трещин. По каменным плитам довер в тени скаристых деревьев ходит мохляк, длинной шероховатой кожей, горбатый нос и толстые, злые губы. В руках его сидят янтарные чётки.

Под сводами собора гробницы Пястов, Ягеллонов, Собеских, Поинтовских — королей польских. На стенах полуотрусы вьются являлись.

Рядом с собором замок. Просторные залы. В этих залах гремел и густое вино, расщепило неверной рукой, текло на пол. Со стен глядят портреты наместников великих и лужаные лица женщин. Велу бурлят портвейн, резное дерево, пологота и мрамор. Старина. Может быть, это и есть Польша?

— Если бы попросили меня показать вам Польшу, я бы не показывал вам ниш, — сказал мне известный польский писатель.

Это было в разрушенной, разбитой Варшаве. Мы стояли на улице против груды камней. Несколько портретов молодых людей разбирали камни, вытаскивали перекрученные силой взрыва железные балки, дробили щебень, месили глину и известь и заново строили дом. Там и здесь уже поднимались новые стены. Строители работали горячо, помогая друг другу.

— Да, да, — продолжал писатель, — и не повёл бы вас в старинные замки, не стал бы показывать средневековые узоры улицы, прах королей и трещины древних соборов. Вы хотите увидеть Польшу? Смотрите, вот она! — указал рукою на молодых строителей, вставших стены нового дома.

Польский народ вынес много страданий. И особенно большие страдания выпали на долю молодого поколения. Юноши и девушки, которым сейчас по семнадцать, восемнадцать, девятнадцать лет, были совсем детьми, когда гитлеровская Германия оккупировала страну.

И до войны тяжело жили трудящиеся Польши. Польские помещики, фабриканты, государственные чиновники угнетали, разоряли простых людей. А в 1939 году, когда гитлеровцы напали на Польшу и установили там свой захватывающий режим, гнет стал и вовсе невыносимым.

Захватчики стремились вытравить всё польское. Закрывались польские школы. Запрещались польские языки. Даже польские национально-патриотические организации, разоряли простых людей. А в 1939 году, когда гитлеровцы напали на Польшу и установили там свой захватывающий режим, гнет стал и вовсе невыносимым.

Квене надежды, какие перспектив могли быть тогда у польской молодежи? Даже если бы были заказы, отрезаны, запрещены!

А надежды были! Они родились, когда в смертельную схватку с полицайми Гитлера вступили мужички советского сударства, и росли по мере того, как нарастала сила ударов Советской Армии по немецкой военной машине.

В оккупированной немцами Польше стало шириться движение сопротивления. Первая польская армия, созданная и оснащенная при дружеской поддержке Советского Союза, бок о бок с советскими армиями воевала против немецких захватчиков за освобождение своей родины. В Польше создавались партизанские отряды, группы сопротивления. Трудящиеся молодежь была в первых рядах борьбы за национальную независимость. Ещё в подполье, в условиях оккупации, террора и гнёта, начал выходить польский молодежный журнал «Валка молодых» («Борьба молодых»), призывавший польских патриотов к борьбе против фашистских захватчиков. Но внутри самой Польши и в Лондоне, где сидели старое, реакционное польское правительство, было немало предателей. По вине их погибли сотни честных поляков. Препятств

Колонна курсантов Центральной школы Польской рабочей партии на демонстрации протеста против посягательства иностранных империалистов на западные польские земли.

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

Юная Польша

о сохранения в Польше фашистского режима, мешали борьбе патриотов.

Полное освобождение польскому народу, как и народам других стран Европы, принесла Советская Армия, разбившая гитлеровскую военную машину.

В 1945 году в Польше по воле народа было создано временно демократическое правительство. Те, кто был в Варшаве в конце июня — начале 1945 года, помнят, как восторженно встречала молодежь деятелей новой, демокра-

Страницы польского молодежного журнала беседует в Гданьском порту с молодыми моряками, награжденными орденом «Грюнвальдский крест».

тической Польши. Советский журналист Д. Заславский писал тогда: «Странно это покажется, но у разрушенной Варшавы праздничный вид. Много красных знамен и флажков. Развешают гирлянды, лаптицы молодёжь в синих и белых блузках с красными галстуками. Белье — это молодежь Польской рабочей партии, синие — молодежь Польской партии социалистов. Они кричат: «НХ жие едасюкя народовой!» «НХ жие жонд едасюкя народовой!» «НХ жие чернова армия!»

Демократические партии Польши, возглавлявшие народное движение на создание сильного, самостоятельного и полно демократического польского государства, провели ряд прогрессивных мероприятий в хозяйственной и политической жизни страны. Осуществлена земельная реформа, направленная на улучшение положения крестьянских масс, проведена национализация банков, а также крупных и части средних предприятий. Польская армия, представляющая собой в прежние, довоенные времена одну из самых жестокой реакции, перестроена и стала теперь аппаратом в значительной степени подверженным из профсоюзных элементов и молодежи.

Эти мероприятия открыли для польской молодежи новые, широкие горизонты.

В Лодзи, одном из крупнейших промышленных городов Польши, я познакомился с молодым рабочим Ярославом Браунашелем. Ему девятнадцать лет. У него серые волосы, глаза и крепкие руки. Ярослав работает на шерстяной фабрике.

— О, теперь бардаво ладно работать! — говорил он. — Я стал человеком. Я работаю, я учусь. Завесте, а детстве мне не пришлось учиться. Мой отец был простым батраком, а сын батрака мог оставаться безграмотным. Старое правительство говорило: «Мне меньше грамотных, тем спокойнее я государству». Наше же правительство говорит нам: «Мне больше грамотных, тем сильнее будет Польша. Учиться!»

— В Лодзи, — продолжал рассказывать Ярослав, — уже открыто около ста пятидесяти начальных школ и тридцать четыре гимназии. У нас есть даже вечерний университет для рабочих. Многие из молодых и девушек нашей фабрики состоят в Союзе борьбы молодых. У нас есть клубы, читальни.

«Молодые люди» — так называются польские клубы польской молодежи. По вечерам в них шумно и весело. Звучит музыка, рецитируют спектакли, читаются доклады и лекции.

На развалах старой, немощной Польши поднимались крепкие побег побегов. В Лодзи, в рабочем городе, это особенно заметно. Это бросается в глаза на фабриках, где за станками стоят тысячи молодых ребят. Это увидишь на улицах, заклеенных объявлениями о том, что клубами молодежи будет поставлено новый спектакль, или о том, что занялся молодежь в Рабочий университет продолжится. Это как-то сразу обращает на себя внимание в театры, где встречаются и студентов и молодых рабочих с текстильной фабрики.

После войны в Польше стало выходить много журналов и книг. Любо и особенно молодежи, жадно тянется к знаниям, к свободному слову. Появились новые имена писателей, выдвинувшихся из среды молодежи.

С одним таким молодым писателем меня познакомил. Мы беседовали с ним о новой Польше, о литературе, искусстве. — В прежние времена, — сказал он, — польская шляхта и венский род дельцы хвастались, что Варшава — второй Петербург, что музыка у нас, как в Вене, живится, как в Италии. Глупая амбиция! Всё было как глетье, а свой, польское, над нами над таким зашито. Вальс у нас даже Мидачек назывался с цензурными поправками.

Народ? О, польский народ был просто «благороден» для этих постылых «эграрничьих» культур! А ведь у нас, есть и свое, польское искусство, создавшее большой славянский дух. Польский народ роля Мишкоевич, Шюеня, Малеяко. Всё это должно принадлежать народу, молодежи. И оно будет принадлежать! — убежденно сказал писатель.

В начале 1947 года в Польше проходили выборы депутатов в Законодательный сейм. В те дни мне удалось побывать в Варшаве, Кракове и других городах. Вокруг выборов разгорялась борьба. Всё передовое, честное поддерживало кандидатов демократического блока. Замаскировавшиеся фашисты, торговля, мафия, продажные перекупщики, активно сотрудничавшие с немцами, поддерживали реакционную партию Станислава Миколайчика. Это партия, связанная с реакционными кругами заграничной, стремившая повернуть Польшу на старый путь. Она была связана с фашистским полковником и пыталась авиать на народ угрозами, террором.

Борьба шла и за молодежь. Но вперед шло и то, что молодежь толкает к новому — к строительству демократической Польши. Даже в старом Кракове, который реакция считала своим оплотом, молодежь дружно голосовала за демократию. И лишь в Ягеллонском университете, куда в течение времени был открыт доступ исключительно «золотой» молодежи, нашлись сторонники старого.

В Варшаве Миколайчик, этот «человек с лицом зловонки и с душой волака, неле божашич» от народа на хари к иностранным капиталистам, вышел на балкон, чтобы пронаести речь перед молодежью. Визну, по улице шли колонны молодых забаратцев. Мелькали белые, темные, черные форменные куртки студентов, шли юности и девушки в рабочих блузах, проходили молодые трамвайчики, железнодорожники. Они кричали:

— Долой Миколайчика! Нех Миколайчик езде до Людзку в своем хозеняе! Нех жие Польска демократична!

Народ послал своих забаратчиков в Законодательный сейм, и сейм подтвердил демократические основы польского государства.

На основе демократизации, на основе добрососедской дружбы с советским народом польский народ укрепляет свое государство, поднимает из руин города, оживляет землю.

На юге Польши, недалеко от Жешуя, есть маленькая деревня Кривина. Несколько хат под соломенной крышей. В крайней хате живет

Президент Польской республики Б. Берут на спортивном параде.

Янина Червиска со своей старой матерью и братом Иосифом.

С крадечки янинской хаты видны окрестные поля, увенчанные золотыми колнами хлеба, зеленый грешок рощи и вышка костела в Пацуте, где стоит замок графов Потющих.

Но так давно Потючим принадлежал не только замок, но и поля, и рощи, и всё вокруг. Отец Янины, старый Вацлав, был работником у ясновельможного пана и умер, надрывшись на шашке. Янина с детства работала на чужих. Своей земли у Червиска не было. Семья кор-

милась тем, что удавалось заработать на помещице или арендаторском поле.

Веселый праздник «доминико», сприведенный ежегодно после окончания жатвы, по радозал батраков. Даже в самые урожайные годы в хате Червиска всё равно было пусто.

В годы немецкой оккупации старая Брат Янина, Иосиф, пропал без воста. Накануне войны он служил в солдатах, а потом про него говорили: возное: будто убит под Варшину, будто уехал с Андерсом в Африку. Сопиндаль пытался Янину немцы утаить в Дембуво, где под кованым эсэсовцем тысячи строили, чехи и русские военнопленных ставили лето под землей завод, лето какой-то строгий лагерь. Летом 1944 года её освободили отулы Советской Армия. А ещё через год нашлось Иосиф. Оказывается, он служил в Первой польской армии и с оружен в руках освободил свою янину. Ещё через год Червиска получили землю.

В новой, послевоенной Польше были конфискованы без выкупа все помещичьи земли в тех хозяйствах, где земли было более 50 гектаров. А миллионы батраков были наделены землей. Одни на льготных условиях, другие совершенно бесплатно.

Теперь с пороги хаты Червиска Янина увидит свое поле, свои сенокосы. На празднике «доминико» заметит её радостный смех. Украинские лентаны и цветы, весело поет она в кругу сверстниц.

Деревенская молодежь, получившая возможность обучаться от авничко труда на помещицком, свободно выходящая. Во многих польских селах, как и рабочих центрах, стали создаваться «доминиконые свистачки», стали организовываться сенокосы и кружки молодежи. Крестьянские юности и девушки впервые получили доступ к соедине и высшие учебные заведения, и Янина Червиска из деревни Кривина мечтает о том, что на будущей год её увидят поступить в сельскохозяйственный школу...

Польская молодежь становится активной участницей борьбы за укрепление польского государства. Широкая дорога открыта юности и девушкам новой Польши, и они выдут по этой дороге за теми, кто зовет к новому, к демократии, к дружбе с великим советским народом.

И прав был писатель, говоривший:

— Если хотите видеть истинную Польшу, вы увидите ее на строительстве городов, на фабриках, в школах, на митингах. Это и есть та Польша, перед которой открыто светлое будущее.

Девушки-крестьянки на традиционном празднике «доминико» (жатвы).

ГОРНЫЙ ПОТОК

Свернула молния, как бивень,
И, чуть помедля, грянул гром,
И, чуть помедля, злился ливень,
Как бы поставленный ребром!

И со скалистой чёрной кручи,
Где жандый камень так жесток,
Бесстрашный, маленький,
кинувший

На землю ринулся поток.
Он огни стройные извранил,

Он изорвал в камни гряды,
И все преграды протаранил,
Свободный пробивая путь.

Он рек широких был упорней,
Пробился из последних сил
И сосен жаждущие корни
Прошляпавшей влагой напоил.

А сам погиб — рождён грозой —
Бесстрашный, маленький поток —
Он чьему-то мне напоил Зою.
Он мне покаять её помог.

ЮНОСТЬ

Те же слоны, песни, парки,
Те же друзья и поводыри,
Те же звонкие фанфары,
Те же белые палатки,
Те же речка и поляны,
И, по правде, как-то странно,

Что уже не нам с тобою
Поднимается с той грубою...
Вырос в город наш посёлок,
Дуб разросся в три обвата,
И у первых комсомолов
Носит теперь вымача.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«ДОРОГИ И ВСТРЕЧИ»

6 мая 1919 года, выступая на I Београдском съезде по внешнеюльному образованию, В. И. Ленин произнес слова, которые звучат так, как будто они сказаны сегодня о современной международной обстановке: «Теперь борьба приняла мировой размах, по этому теперь всякий, кто со словами «демократия», «свобода» выступает против нас, становится на сторону наших классов, обманывает народ, ибо он не понимает, что свобода и демократия до сих пор были свободой и демократией для мажорит и лишь крошечная группа для немущих» (Ленин, т. XXIV, стр. 292).

Эти слова Владимира Ильича вспоминались при чтении книги Ф. Наседкина «Дороги и встречи». В этой книге мы встречаемся с воюющими народами Югославии и всё больше убеждаемся в том, что народы эти сами, своими руками, строят свою жизнь, что они хорошо научились распознавать друзей и врагов.

«Дороги и встречи» — книга очерков и зарисовок с натуры. Она написана по свежим впечатлениям автора, обездвиженного Югославией вскоре после окончания войны. Не всё в книге одинаково интересно: многие из очерков показывают уже вчерашний день Югославии, ибо страна, твердо став на путь социалистического развития, растёт не по дням, а по часам. Тем не менее книга помогает нам увидеть, каким гигантским историческим перевалом был для народов Югославии вторая мировая война, как далеко вперед шагнула она, выйдя из национального и классового самозамкновения.

Русский читатель, интересующийся судьбами своих славянских братьев, вместе с автором беседует с молодыми республиканцами — крестьянами и министрами, военными и шахтёрами, инженерами и учителями, — и от каждой такой беседы веет боевым духом и силой, теми корнями безопасности, которые с древнейших времён служат мощным стимулом прогресса.

Многие страницы книги посвящены героической борьбе Югославии за свою независимость за свободу. Там каждая скала превращалась в крепость, там каждый камень носил. Там, в долинах и горах Штирии, Хорватии, Черногории, Далмации, в смелых сражениях с врагом ежедневно и каждодневно рождался герой. Их удваивалась на подвиги безмерная любовь к Родине, свободе, их вела в бой коммунистическая партия, в них влилась сила и вера героического пример великого Советского Союза.

Книга Наседкина привлекает нас не только поводом великого мужества народа, о котором уже написано — и будет ещё написано много книг. Привлекает она ещё и тем, что раскрывает

перед читателем сущность той новой демократии, которую осуществляют у себя славянские народы. В прошлом бесправные, стоявшие под тройным гнетом — иноземных захватчиков, короли и церкви, — они сейчас узнали, что значит радостный, свободный труд. «Все крестьяне поддерживают земельную реформу», — говорит старый хорват Никола Бачич. — «Кто же себе будет позволить? Мы только подумаем!» — восклицает он. — «Вы только подумайте: в старой Югославии двести помещи-

«демократия» превратилось из абстрактного в осязаемое реальное понятие.

Старый серб Светозар, тоже депутат народа, так рассказывает о выполнении своего долга перед партией: «Мы каждый месяц доставляем народу о своей работе, и каждый месяц народ решает: доверять нам или не доверять. А то как же... Народ в любую минуту может дать во главе своих представителей, если они не выполнили его волю. Перед народом надо быть честным и справедливым... Доверие народа — высокая плата...»

Вот крестьянин — Илья Малколович: «Жизнь наша, братцы мои», — говорит он, — только начинается... Вот эта бедность — это наше прошлое. И теперь богат. Да, да, и не шушу, — мне принадлежит власть свобода. А это, мы же знаем, — самое большое богатство...»

Книга Наседкина показывает будни народо-освободителя. Во всей стране кипит работа. Взять к примеру Македонию. Сотни лет была она предметом особых посядений иноземных капиталистов. Ещё недавно задыхалась она в тисках нужды, нищеты, невежества. За два последних года в Македонии построено множество жилых домов, железнодорожных путей, открыто 813 начальных школ и из них (это чрезвычайно характерно для новой демократии) 420 албанских, 67 турецких и 4 сербских.

Велика патристическая любовь народов Югославии к их старшему брату — русскому народу, — к могучему Советскому Союзу, великому Сталину. Все народы Югославии повсюду несли о том, как друг Сталин научил друга Тито любить народ. И столь же велика и неменьшая народная к пароботникам, к подвигателям новой войны, посвятившим на независимость, честь и свободу молодого демократического государства. В книге рассказан характерный эпизод, относящийся к первым последним дням. Однажды ночью жители большого славянского села, где стоял английский гарнизон, обнаружили на площади около «Ортода» (Ортода начинается Италия). Возмущенные крестьяне сорвали эту дичину. Тогда английские офицеры арестовали нескольких крестьян, а дочку вновь повесили, но слова она была кем-то сорвана. Дочь продолжала жить в глупой «барде» с представителями «союзников», однако найти «спинковиков» англичанам так и не удалось.

«Мы слышим другого заплаты на республику, чтобы кто-нибудь имел право лизнуть её», — мы желаем только справедливости, и ничего больше», «Мы хотим сами определить свою судьбу» — такие наказы можно увидеть на британских мотках, усеявших дороги к этому селу. Они звучат и повсюду как боевой призыв, как клятвы бороться до полной победы.

Ф. Наседкин «ДОРОГИ И ВСТРЕЧИ»

ко имели двести тысяч гектаров земли, а триста пятьдесят тысяч крестьян — только пятсот сорок тысяч гектаров!»

С большим уважением относятся крестьяне о югославской партии коммунистов. «По основному вопросу мы с коммунистами едины», — говорит тот же Бачич. — «Они за республику, — и мы за неё. Они за земельную реформу — и мы за неё. Тут нам делить нечего...»

Старый шахтёр Франц Медведь вспоминает нищету и бесправность прошлой жизни: «В шахте копали руду восемь часов, а после ещё восемь часов дома шёл. А когда нечего было шить, второй раз за день спускался в шахту, крепили штрек или тонула вагонетка. Лить бы заработать лишнюю лару. И всё же с большим трудом кормил семью.»

Автор рассказывает, что теперь, в Федеративной Народной Республике Югославии, семья шахтёра Медведь обеспечена, живёт в чистой двухкомнатной квартире, труд его облегчён механизацией рудника. Сейчас это простой человек возвышен: он выбран председателем городского Народного комитета, и для него, как и для многих тысяч других, слово

Ф. Наседкин «Дороги и встречи». Издательство «Молодая гвардия», 1947.

